[4] Анкета для получения визы. Руководство по заполнению [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/278291/russian-vaf1a-1k-guidance.pdf (дата обращения: 13.02.2014).
[5] Viale C. Lexicon of Human Rights. Мінск, 2013. С. 9.
[6] Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1975 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:www.un.org/ru/declarations/torture.shtml (дата обращения: 03.03.2014).
[7] Клэпгэм Эндру. Правы чалавека. Вельмі кароткія ўводзіны : пер. з англ. Мінск, 2013. С. 92.

Поступила в редакцию 18.03.2014.

Инна Александровна Кузнецова – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии.

УДК 343.1+343.9

Ю. К. ЯКИМОВИЧ (РОССИЯ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Обосновывается значимость и ценность использования специальных знаний в криминалистике и уголовном судопроизводстве, а также применения научных достижений в раскрытии и расследовании преступлений. Проводится разграничение возможности участия лиц, обладающих специальными знаниями, в качестве специалиста или эксперта. Выявляются различия между характером деятельности и заключением эксперта и специалиста, а также невозможность совмещения их функций в одном лице. Рассматривается законодательная возможность назначения экспертизы не только в суде, но и в стадии возбуждения уголовного дела. Обосновывается использование для назначения судебных экспертиз знаний научного характера, общепризнанных и с разработанной научно обоснованной и доступной для применения методикой производства данного вида экспертиз; а также разграничение использования специальных знаний при самостоятельном исследовании эксперта и при работе с приборами, например полиграфом. Рассматривается допустимость отдельных видов экспертиз, например психофизиологических.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство; судебная экспертиза; источники доказательств; заключение эксперта; криминалистические исследования; полиграф.

The article explains the importance and value of using expert evidence in criminalistics and criminal proceeding, as well as the application of scientific knowledge in investigation of crimes. The author disintegrates the powers of specialist and expert. He exposes the difference of their activities, conclusions, made by specialist and expert, impossibility of accomplishing of different functions by one person. The author considers the possibility of applying expert evidence not only in court, but alsoat the stage of the initiation the criminal case. He proves the use of special scientific knowledge and procedure of the expert evidence for applying it, difference of special knowledge during independent research of expert and during his work with devices, for instance polygraph detector. It is considered to apply some types of expert evidence, for instance, psycho-physiological expert evidence.

Key words: criminal procedure law; forensic expertise; sources of evidence; expert evidence; forensic research; polygraph.

Специальные знания достаточно широко использовались и используются в различных сферах юридической деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве[1]. Более того, после появления судебной фотографии и дактилоскопии некоторое время даже считалось, что свидетели вскоре вовсе будут не нужны: их заменят так называемые «немые свидетели».

Конечно, подобные утверждения оказались не совсем обоснованными, ведь показания свидетелей составляют все еще более 50 % от общего числа используемых в уголовном судопроизводстве источников доказательств. Вместе с тем бурное развитие науки позволяет все чаще и чаще использовать научные достижения в раскрытии и расследовании преступлений. Вряд ли представляется возможным перечислить или даже подсчитать виды криминалистических (в широком смысле слова) экспертиз, используемых в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и судов. С каждым годом их появляется все больше. Задача криминалиста-юриста в том и заключается, чтобы вовремя обнаруживать новые направления научных исследований и вовлекать их в правоохранительную деятельность, облекая в форму новых судебных экспертиз. Именно в этой связи несколько десятилетий тому назад в прокуратуре была учреждена должность прокурора-криминалиста, а сейчас в Следственном комитете РФ – должность следователя-криминалиста. Следователь-криминалист (юрист по образованию) не должен подменять собой специалиста и тем более выступать в роли эксперта. Его задачей, как и ранее задачей прокурора-криминалиста, является разработка и внедрение в практику новых видов экспертиз на основе достижений специальных научных отраслей знаний. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве не остаются неизменными, появляются новые.

О возможности и допустимости применения научных достижений в уголовном судопроизводстве ведутся извечные споры между криминалистами и процессуалистами. Процессуалисты более консервативны и не допускают, хотя и не всегда им это удается, закрепления в уголовно-процессуальном законе некоторых недостаточно обоснованных идей криминалистов. К слову, не на пользу общему делу идет все больше растущая «пропасть» между учеными криминалистами и процессуалистами: первые «забывают» уголовный процесс, а вторые вовсе не знают криминалистики. Вряд ли в этом аспекте можно признать удачным решение о разделении ученых советов по защите диссертаций криминалистических и уголовно-процессуальных.

Традиционной формой использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве является вовлечение в уголовный процесс лиц, обладающих специальными знаниями (познаниями, как было ранее), в качестве специалистов и экспертов.

Как подчеркивают некоторые выдающиеся российские ученые, различия между специалистом и экспертом определяются характером деятельности того и другого.

«Специалист вызывается в предвидении того, что его познания и опыт понадобятся для обнаружения, фиксации или изъятия доказательств... экспертиза состоит в исследовании (подчеркнуто мною. – *Ю. Я.*) и составлении заключения; деятельность специалиста ограничивается обнаружением и изъятием под указанием и под контролем следователя доказательственного материала. Специалист может сделать выводы, основанные на установленных при проведении следственных действий фактах, однако такие выводы в отличие от выводов эксперта не имеют значения доказательств... они носят характер консультации...»[2] Именно в таком качестве предусматривалось участие в уголовном судопроизводстве специалиста по Уголовно-процессуальному кодексу (далее – УПК) РСФСР. Действующий УПК РФ (с последними изменениями) существенно расширяет формы участия специалиста в уголовном процессе, и не все из них можно признать необходимыми и обоснованными.

В соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист привлекается к участию в процессуальных действиях: 1) для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов; 2) применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела; 3) разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию; 4) постановки вопросов эксперту.

Из указанных выше две формы участия специалиста прямо предусматривались УПК РСФСР, а третья хотя и не предусматривалась, но использовалась на практике, в том числе и адвокатами-защитниками.

По ныне действующему УПК РФ специалист может привлекаться следователем и судом, а также другими заинтересованными участниками процесса (например, защитником) и для постановки вопросов эксперту. Следует отметить, что законодатель закрепил в УПК ранее уже используемую в практике форму участия специалиста. Следователи и в советское время при назначении экспертиз советовались со специалистами (как правило, работавшими экспертами в экспертных учреждениях) по различным вопросам: например, какую именно нужно назначить экспертизу, кому поручить ее производство, какие материалы необходимо предоставить эксперту для производства экспертизы. И хотя эта практика не основывалась напрямую на законе, нельзя не признать ее положительной. Поэтому законодатель совершенно обоснованно закрепил указанную выше форму участия специалиста в уголовном процессе в УПК РФ.

Более того, УПК РФ в качестве исключения из общего правила о невозможности совмещения нескольких функций в одном лице допускает поручение производства экспертизы тому лицу, которое ранее участвовало в деле как специалист. Следователь или суд (как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон) приглашает специалиста, который помогает следователю (суду) определиться с видом экспертизы, с тем, кто более качественно может ее провести, с вопросами, которые следует, по мнению специалиста, поставить перед экспертом, и с материалами, необходимыми для производства данной экспертизы. В результате ее производство может быть поручено этому же лицу (специалисту), которое уже основательно осведомлено об обстоятельствах, подлежащих выяснению. Таким образом, упрощается работа не только органов предварительного расследования и суда, но и самого эксперта.

Однако не со всеми новеллами УПК РФ, касающимися форм участия специалиста в уголовном процессе, можно согласиться. Так, ч. 2 ст. 74 УПК РФ к числу источников доказательств относит заключение специалиста. Тем самым стирается грань, отделяющая специалиста от эксперта. И заключение эксперта, и заключение специалиста являются теперь равнозначными доказательствами, что противоречит теоретическим положениям уголовного процесса. Ведь заключение эксперта – это хотя и «рукотворное» доказательство, но основанное на проводимых им исследованиях, а потому носит объективный характер. Заключение же специалиста – это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Другими словами, заключение специалиста – это всего лишь мнение конкретного лица по конкретному вопросу. Оно всегда будет носить субъективный характер, поскольку (в отличие от заключения эксперта) не основывается на объективных исследованиях. Это указывает на то, что заключение специалиста не может служить источником доказательств. В этой связи необходимо вернуться к первоначальной редакции ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Статья 179 УПК РФ предусматривает еще одну форму участия специалиста. В соответствии с частью первой этой статьи освидетельствование может производиться в том числе и для определения состояния опьянения. Естественно, для этого приглашается специалист. Совершенно не ясно, как можно установить состояние опьянения (во всяком случае, в уголовном процессе) без проведения соответствующих исследований. А эти исследования возможны только после получения образцов. В свою очередь, получение образцов для сравнительного исследования, равно как и проведение самого исследования, возможно только в рамках экспертизы.

Важнейшей (если не основной) формой использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве является производство судебных экспертиз[3].

Производство экспертизы в достаточной степени регламентировано нормами уголовно-процессуального законодательства. Однако они повсеместно нарушаются органами предварительного расследования. Так, чаще всего подозреваемый, обвиняемый, защитник своевременно не знакомятся с постановлением о назначении экспертизы, а значит, и не могут реализовывать право на отвод эксперта, а также иные предусмотренные ст. 198 УПК РФ права. С этим процессуальным актом, равно как и с заключением эксперта, участники процесса знакомятся после окончания следствия. Суды не признают эти вопиющие нарушения закона как существенные, влекущие признание заключения экспертизы недопустимым доказательством. Тем самым нарушается право на защиту, на доступ потерпевшего к правосудию, а также другие конституционные права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Наконец-то законодатель предусмотрел возможность не только назначения, но и производства экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела. Однако не поддается логическому объяснению правило, закрепленное в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ: если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы, оно подлежит удовлетворению. Именно этим обстоятельством объясняется то, что в стадии возбуждения уголовного дела экспертиза по-прежнему практически не назначается.

Вряд ли возможно назвать все виды экспертиз, которые производятся по уголовным делам[4]. Вместе с тем иногда возникает полемика по поводу допустимости отдельных видов экспертиз. Так было в свое время с одорологией[5] и соответствующими «запаховыми» экспертизами, против использования которых в доказывании выступали известнейшие советские ученые, в том числе и М. С. Строгович.

Не так давно серьезно обсуждался вопрос о возможности производства всякого рода парапсихологических экспертиз[6]. В настоящее время настойчиво пытаются внедрить в следственно-судебную практику так называемые психофизиологические экспертизы[7].

Не станем останавливаться на одорологии и парапсихологии, так как в научной литературе приводилось уже достаточно аргументов против допустимости использования подобного рода специальных знаний в уголовно-процессуальной деятельности. Возможно, спустя время наука достигнет таких высот, что появится научное объяснение аномальным способностям людей, создадут научно обоснованные методики производства подобных экспертиз, и тогда можно будет использовать такого рода специальные знания в уголовном судопроизводстве.

Что же касается полиграфа, то его использование ничем не отличается от использования при производстве следственных действий иных технических средств, например металлоискателя. Кто допрашивает свидетеля? Следователь или специалист с полиграфом? Наверное, все же следователь, а результаты использования полиграфа, расшифрованные специалистом, только помогают следователю при оценке показаний свидетеля. И это вовсе не означает, что следователь должен безоговорочно верить результатам, полученным с применением полиграфа. Полиграф – всего лишь одно из технических средств, используемых специалистом, приглашенным следователем для участия в производстве следственного действия. Источником доказательства в данном случае будет составленный следователем протокол следственного действия.

Заключения же полиграфических экспертиз не должны рассматриваться в качестве доказательств.

Обобщив изложенное, можно сделать следующие выводы:

1) неоспоримы значимость и ценность использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве в целом и в доказывании в частности;

2) следует четко разграничивать возможности участия лиц, обладающих специальными знаниями, в качестве специалиста и в качестве эксперта.

Специалист – всего лишь помощник следователя при производстве последним следственных действий, а также консультант сторон и суда по специальным вопросам.

Неприемлемо допускать в качестве самостоятельного источника доказательств заключение специалиста, так как оно основано не на объективном исследовании, а является лишь мнением конкретного лица, обладающего специальными знаниями, а потому носит субъективный характер. По этим же причинам недопустимо определять наличие алкогольного и иного опьянения путем освидетельствования лица специалистом без проведения судебно-медицинской экспертизы;

3) не всякие специальные знания могут служить основанием для назначения судебных экспертиз. Во-первых, эти знания должны носить научный характер. Во-вторых, эти знания (познания) должны быть достаточно устоявшимися: если не общепризнанными, то господствующими в научном сообществе в данный период. В-третьих, должна быть разработана научно обоснованная и доступная для применения методика производства данного вида экспертиз;

4) следует разграничивать использование специальных знаний при производстве экспертиз, когда эксперт самостоятельно проводит определенные исследования и дает на их основе заключение, и при работе с приборами, например полиграфом. Полиграф – такой же прибор, как и металлоискатель. И в этом случае лицо, обладающее специальными знаниями, является специалистом, помогающим следователю в производстве следственного действия, и не более того. Поэтому недопустимы всякого рода полиграфические и подобные им экспертизы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Российская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 354 ; Орлов Ю. К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. М., 2004. С. 32.

[2] Белкин Р. С., Винберг А. И. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1973. С. 54.

[3] См.: Зайцева Е. А. Правовой институт судебной экспертизы в современных условиях : монография. Волгоград, 2003. С. 188 ; Ее же. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : монография. М., 2010. С. 424.

[4] См.: Шляхов А. П. Классификация судебных экспертиз и типизация их задач. М., 1977. С. 104.

[5] См.: Салтевский М. В. Криминалистическая одорология. Киев, 1976. С. 47.

[6] См.: Комиссаров В. И., Холодный Ю. И. Полиграф как средство получения процессуально значимой информации по уголовному делу // Правоведение. 1999. № 1. С. 180–185.

[7] См.: Мезинов Д. А. К вопросу о допустимости использования «психологических ловушек» в состязательном судебном допросе по Уголовно-процессуальному кодексу РФ // Современные проблемы борьбы с преступностью : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Томск, 21 февр. 2011 г.). Томск, 2011. С. 192–198 ; Овсянников И. В. Об использовании полиграфов в уголовном процессе // Правоведение. 1998. № 1. С. 172–173 ; Зубрилова И. С., Зерин С. Н. Методика и тактика применения полиграфа при раскрытии преступлений : метод. пособие. М., 1997. С. 112.

Поступила в редакцию 10.11.2014.

Юрий Константинович Якимович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

УДК 343.8+343.21

Н. В. ОЛЬХОВИК (РОССИЯ)

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 г.

Рассматриваются положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. о повышении эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Целью статьи является совершенствование концептуальных положений деятельности не только уголовно-исполнительных инспекций, но и иных субъектов, участвующих в исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Обосновываются социальная направленность деятельности уголовно-исполнительных инспекций, необходимость и порядок их взаимодействия с органами государственной власти, местного самоуправления, органами внутренних дел, органами Федеральной миграционной службы, службами занятости населения и институтами гражданского общества. Принимая во внимание количество осужденных без изоляции от общества, сопоставимое по численности с осужденными к лишению свободы, ежегодно возрастающий уровень преступности осужденных, а также организационные проблемы, следует отметить, что стержнем реформирования уголовно-исполнительных инспекций в России должен быть не организационный, а функциональный вопрос их деятельности.

Ключевые слова: концепция развития уголовно-исполнительной системы; альтернативы лишению свободы; взаимодействие субъектов предупреждения преступности; участие общественности.

The author considers the provisions of the concept development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020 on improving the efficiency of the criminal enforcement inspectionsin Russia. The aim of the article is to improve the conceptual provisions of activity of not only criminal enforcement inspections, but the other subjects involved in the execution of punishment and other measures of criminal law without isolation from society. The author explains the social focus of the criminal enforcement inspections, the need and the order of their interaction with state authorities, local self-government bodies of internal affairs agencies of the Federal Migration Service, services, employment, and civil society institutions. Given such facts as the number of convicted without isolation from society, which is comparable in size with convicted to imprisonment, annually increasing level of criminal convictions, as well as organizational problems stem reforming inspections, the author believes that the core of the reform criminal enforcement inspections in Russia should not be organizational, but functional aspects of their activities.

Key words: the concept of criminal-executive system; alternatives to imprisonment; subjects of crime prevention; public participation.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (далее – Концепция), необходимость принятия мер по формированию качественно новых учреждений, способных эффективно исполнять наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, обосновывается прогнозируемым увеличением численности лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях за счет расширения правоприменительной практики судов по назначению наказаний, альтернативных лишению свободы, дальнейшей гуманизации уголовных наказаний, предполагаемой передачи в уголовно-исполнительную систему полномочий по осуществлению контроля за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы. Формирование качественно новых учреждений ученые и некоторые практические работники связывают с созданием в России службы пробации, которая выполняла бы как досудебные (предоставление суду необходимой информации о личности подсудимого и помощь суду в вынесении приговора по делу), так и послесудебные функции (исполнение наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы; осуществление контроля за осужденными; оказание поддержки и помощи осужденным, отбывающим наказания, связанные и не связанные с лишением свободы, а также их семьям; оказание поддержки и помощи жертвам преступлений). Однако